

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ГЛАВА I. ПОДХОД К ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ	13
Гражданская культура	18
Типы политической культуры	26
Политическая субкультура	47
Гражданская культура: смешанная политическая культура	51
Микро- и макрополитика: политическая культура как связующее звено	53
Страны, включенные в данное исследование	58
Опрос в пяти странах	65
Материалы опросов и политические системы	67
ГЛАВА II. МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОГНИТИВНОСТИ	73
Воздействие правительства и органов власти	75
Осведомленность о политике	83
Информированность и наличие точек зрения	89
ГЛАВА III. ЧУВСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ВЛАСТЯМ, ПРАВИТЕЛЬСТВУ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	97
Системная эмоция: национальная гордость	98
«Выходная» эмоция: ожидаемое отношение со стороны правящих властей и полиции	104
Модели политической коммуникации	116
ГЛАВА IV. МОДЕЛИ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ	125
Имиджи сторонников разных партий	126

Психологическая дистанция между партиями: брак в соответствии с политической принадлежностью и вопреки ей	137
Поток чувств от сообщества к политике.	150
Типы партийных приверженцев.	163
ГЛАВА V. ОБЯЗАННОСТЬ УЧАСТВОВАТЬ	167
Что такое хороший гражданин?	170
Различие между странами в характеристиках местной власти	172
Различие между странами в чувстве гражданского долга и гражданских обязанностей	178
Картины демографического распределения	188
ГЛАВА VI. ЧУВСТВО ГРАЖДАНСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ	191
Распределение субъективной компетентности.	197
Стратегия влияния	203
Общенациональная компетентность.	220
Социальные группы и субъективная компетентность.	221
ГЛАВА VII. ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ПОДДАННИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ	233
Чувство административной компетентности.	235
Гражданская и подданническая компетентность.	237
ГЛАВА VIII. КОМПЕТЕНТНОСТЬ, УЧАСТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ	255
Компетентность и демократические ценности.	277
Уверенный в себе гражданин: заключение.	280
ГЛАВА IX. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ КООПЕРИРОВАНИЕ.	283
Свободное время и общественная активность	284

Оценка коммуникативных качеств характера	287
Чувства безопасности и отзывчивость.	288
Социальные установки и политическое кооперирование	292
Гражданское кооперирование и свобода общения	300
Гражданское кооперирование и социальные ценности	301
Гражданское кооперирование и доверие к людям.	306
Интенсивность партийной приверженности и интеграция политики и общества.	312
Заключение.	322
ГЛАВА X. ЧЛЕНСТВО В ОРГАНИЗАЦИЯХ И ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ.	329
Распределение добровольного членства в ассоциациях.	331
Членство в организациях и политическая компетентность.	338
ГЛАВА XI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ.	355
Теория политической социализации.	355
Раннее участие в принятии решений	365
Социальное участие и гражданская компетентность	376
Заключение.	394
ГЛАВА XII. ПРОФИЛИ СТРАН И ГРУПП.	405
Страновые модели	406
Образование и политическая культура	416
Женщины и политическая ориентация	427

Другие демографические модели	441
ГЛАВА XIII. ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ.	445
Нормы, виды восприятия и активность	454
Управление эмоциями	466
Консенсус и раскол	469
Политическая культура и стабильная демократия	474
Источники гражданской культуры	481
Будущее гражданской культуры	486
УКАЗАТЕЛЬ	492

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это новое издание книги «Гражданская культура» в мягкой обложке появляется спустя 25 с лишним лет после выхода в свет первого ее издания. За время своей жизни данное издание выдержало 14 допечаток тиража. Сейчас его переиздали одновременно с пересмотренной версией этой книги, получившей название «Снова о гражданской культуре» («The Civic Culture Revisited»), — версией, которая осовременила собранные данные, доведя их до 1980 г., и которая содержала отчет о полемике, вызванной более ранним изданием книги. Многократно повторявшаяся допечатка названных книг и их доступность социологам, а также другим специалистам в области общественных наук оправдывается тем фактом, что полемика вокруг гражданской культуры по-прежнему продолжает занимать важное место в политической теории.

Наряду с тем что «Гражданская культура» повсеместно признается основополагающим исследованием в области сравнительной политологии, равно как и вкладом в теорию демократии, ее репутация во многом обязана также тому, что в ней превозносятся те стабилизирующие последствия, которые имеет для демократии политическая апатия. В этой связи важен выбор времени для данного исследования. Оно было задумано в конце 1950-х годов. Все необходимые опросы организовывались в 1959 и 1960 гг. Для концепции этой книги была весьма важна предшествовавшая история демократии, ее недавнее прошлое. Авторы оглядывались на исторический опыт 1930-х, 1940-х и 1950-х годов, на ту трагическую череду крахов демократических принципов, политических провалов и актов фашистской агрессии, кульминацией которых стала Вторая мировая война. Но авторы смотрели также вперед, проявляя интерес к проблемам послевоенной демократической стабилизации в странах континентальной Европы и демократической модернизации в недавно освободившихся регионах «третьего мира».

Из проведенного исследования со всей очевидностью вытекало, что демократизация европейского континента

и демократизация «третьего мира» будет означать нечто большее, чем простое введение или повторное установление всеобщего избирательного права и разнообразных политических институтов, обеспечивающих общенародное правление. Можно ли было вообще извлечь какие-нибудь уроки из демократической истории последних десятилетий? В основу «Гражданской культуры» был положен тезис о том, что и в процессах демократизации, и в демократической стабилизации важную роль играют — в дополнение к политическим, экономическим и социальным факторам — тонкие и сложные по своей природе ценности, установки и навыки.

У той традиции, к которой принадлежит «Гражданская культура», древняя и достославная родословная. Ее можно было бы описать как традицию «утра после попойки» демократической теории, т.е. периода ее отрезвления. Начало этой традиции положил еще Аристотель, когда размышлял о падении демократических Афин и системы греческих городов-государств. Продолжил ее греческий раб Полибий¹, стремившийся передать эти уроки своим римским господам в период аграрных беспорядков конца второго столетия до новой эры. Та же традиция описывает настроения Макиавелли в хаотичной медицейской и республиканской Флоренции конца XV и первых десятилетий XVI в. Размышления Джеймса Мэдисона и Александра Гамильтона о неудачах

¹ Вряд ли древнегреческого историка Полибия (около 200 — после 118 до н. э.) можно назвать рабом. Его отец Ликорт был одним из вождей (стратегом) Ахейского союза, а сам Полибий в 170—169 гг. до н. э. служил гиппархом (начальником конницы) при римском полководце Луции Эмилии Павле, который стоял во главе союзных римско-греческих войск, ведших войну с македонским царем Персеем. Сам Полибий после поражения Персея при Пидне в 168 г. до н. э. был в числе 1000 знатных ахейцев отправлен заложником в Италию по обвинению в недостаточно активной поддержке римлян. И если других заложников распределили по разным городам, то Полибия оставили в Риме — по просьбе Эмилия Павла, сделавшего его наставником своих сыновей. В Риме он прожил около 16 лет и сблизился с видными римскими полководцами и политическими деятелями, в том числе со Сципионом Африканским Младшим. Полибий — автор написанной уже после возвращения в Грецию «Истории» в 40 книгах, из которых сохранились полностью лишь первые пять, остальные или утеряны, или дошли в отрывках либо в пересказах разной подробности. В этом труде он стремился объяснить, каким образом весь тогдашний цивилизованный мир примерно за 50 лет оказался во власти Рима. — *Прим. перев.*

ранних систем власти в североамериканских штатах, которые нашли отражение в «Записках федералиста» («Federalist Papers»), также принадлежат к этой трезвой демократической традиции, равно как и соображения Алексиса де Токвиля о провалах и трагедиях французской революции, изложенные в его работе «Старый порядок и революция». Хотя Джона Стюарта Милля обычно относят к более оптимистической школе демократической теории, есть смысл отметить, что по зрелом размышлении он пересмотрел свое мнение об ответственности тех, кто составляет большинство. И, конечно же, когда Уолтер Бейджхот изучал тайны британской системы власти, он размышлял еще и над пестрым демократическим опытом стран континентальной Европы на протяжении XIX столетия¹.

В нынешние времена подобный подход описывает образ мыслей таких исследователей, как Йозеф Шумпетер, Пендлтон Херринг, В. О. Кей, Дэвид Трумэн, Роберт Даль, С. М. Липсет, Джованни Сартори, а также многих других, которые в свои молодые годы наблюдали коллапс европейских демократий наряду с брутализацией их жизни и культуры и которые принимали участие в самой разрушительной войне за всю человеческую историю. Так или иначе, в ходе хаотичных 1960–1970-х годов этот отрезвляющий и здравомыслящий исторический багаж, эти периодически повторяющиеся усилия изобрести и надежно защитить такую социальную и политическую структуру, которая приспособила бы общенародное правление к сохранению свободы, а также благоприятствовала бы правосудию и порядку, ушли в тень.

Характеристика «Гражданской культуры» как книги, где восхваляется всенародная апатия, возникла из расхожего настроения, получившего хождение также в академических кругах и считавшего маловажными такие вещи, как выработ-

¹ Уолтер Бейджхот (1826–1877) — не очень известный у нас британский экономист, политолог, журналист и писатель. В мире его больше всего знают как автора книги «Английская конституция» (1867), где проанализирована политическая система Великобритании и показано, какая пропасть лежит между реальной властью, находящейся в руках правительства и палаты общин, и формальными ее атрибутами, каковыми, по мнению Бейджхота, являются монархия и палата лордов. — *Прим. перев.*

ка политического курса, принятие политических решений и та сторона демократического правления, которая касается качества функционирования властных структур. Это настроение упускало из вида, не только что демократия требовала всенародного участия, но и что избранные народом лидеры должны так же править и что такое правление требовало обязательности, терпения и доверия. Именно эту необходимую смесь активизма и участия с другими важными ингредиентами как раз и превозносит «Гражданская культура».

Настоящее исследование гражданской культуры не смотрит на демократические недостатки в Соединенных Штатах и Великобритании с чувством самоуспокоенности, а тем более самодовольства. Именно этот вопрос находился в центре внимания авторов, когда они писали в своем предисловии к первому изданию: «Наши выводы ни в коем случае не должны вести читателя к самоуспокоенности в вопросе о демократии в... Великобритании и Соединенных Штатах. Пока существенным сегментам их населения препятствуют или даже отказывают в полном участии в политической системе и в доступе к каналам социального совершенствования, демократические обещания обеих этих стран остаются невыполненными...» Что же касается самодовольства и наивности в связи с перспективами «третьего мира», то тут читатель должен обратиться к последним абзацам заключительной главы.

ГЛАВА I

Подход

К ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Настоящая книга представляет собой исследование политической культуры демократии, а также тех социальных структур и процессов, на которые она опирается. Свойственная эпохе Просвещения вера в неизбежный триумф человеческого разума и свободы оказывалась в недавние десятилетия дважды поколебленной¹. Распространение фашизма и коммунизма после Первой мировой войны породило на Западе серьезные сомнения по поводу неизбежности и жизнеспособности демократии. И до сих пор мы все еще не вправе быть уверенными в том, что континентальные европейские страны найдут для себя стабильную форму демократического процесса, которая отвечает специфике конкретных форм их культуры и социальных институтов. И точно так же мы можем лишь не более чем надеяться, что они совместно сумеют раскрыть и развить европейскую демократию.

Так и не успев первым делом до конца развеять и разрешить указанные сомнения, дальнейшие события, случившиеся после Второй мировой войны, поставили целый ряд вопросов о будущем демократии уже в мировых масштабах. «Взрывы национальных чувств» в Азии и Африке и почти повсеместное давление со стороны ранее зависимых и изолированных народов, добивающихся, чтобы их допустили в современный мир, вписывают эту довольно специфическую политическую проблему в более широкий контекст будущего облика мировой культуры. Культурные перемены обрели в мировой истории новую значимость. То медленное, на ощупь продвижение к просвещению и господству над природой, импульс к которому возник на Западе три или четыре

¹ Здесь и далее следует иметь в виду, что эта книга писалась в начале 1960-х годов на основе свежих материалов, а ее первое издание вышло в 1963 г. — *Прим. перев.*

столетия назад, стало общемировым процессом, и его темп ускорился, измеряясь уже не столетиями, а десятилетиями.

Центральный вопрос публичной политики в последующие десятилетия состоит в том, каким станет содержание этой нарождающейся мировой культуры. У нас уже есть частичный ответ на данный вопрос, и мы могли бы предсказать его, исходя из наших знаний о процессах диффузного распространения культуры¹. Сама диффузия материальных товаров и способов их производства вызывает, по-видимому, меньше всего трудностей. Вполне очевидно, что эти аспекты западной культуры распространяются быстро — наряду с технологией, от которой они зависят. Так как экономическая модернизация и межгосударственная унификация требуют крупных общественных накладных расходов в виде инвестиций в транспорт, коммуникации и образование и так как они, в свою очередь, делают необходимыми налогообложение, регулирование и администрирование, модель рациональной бюрократии тоже распространяется относительно легко. Идея эффективной бюрократии имеет много общего с идеей рациональной технологии. Люсиан Пай говорит о современной социальной организации как об основанной на организационной технологии². Социальная организация — так же как инжиниринг и технология — представляет собой сочетание рациональности и властных полномочий. Инжиниринг означает применение рационального подхода и властных полномочий к материальным объектам; современная социальная организация — это их применение к отдельным людям и социальным группам. Хотя незападный мир пока еще далек от умения успешно развивать индустриальную технологию и эффективную бюрократию, почти нет сомнений в том, что ему хочется иметь эти институты и что у него есть некоторое их понимание.

А вот что проблематично в вопросе о содержании такой нарождающейся мировой культуры, так это ее политический характер. Хотя движение в сторону технологии и рациональной организации наблюдается во всем мире

¹ Ralph Linton. *The Study of Man: An Introduction*, New York, 1936, p. 324–346.

² Committee on Comparative Politics. Social Science Research Council, *Memorandum on the Concept of Modernization*, November 1961.

и, можно сказать, почти в одинаково высокой степени, направление политических изменений менее ясно. Но все-таки один из аспектов этой новой общемировой политической культуры бросается в глаза: она будет политической культурой участия. И если по всему миру действительно продолжает продвигаться политическая революция, то ее можно было бы назвать взрывообразным выплеском участия. Во всех новых, недавно освободившихся странах нашей планеты широко распространена убежденность в том, что рядовой человек политически релевантен, что он непременно должен быть вовлечен в качестве активного участника политической системы. Большие группы людей, которые раньше находились вне политики, требуют доступа в политическую систему. И лишь редкие представители политических элит не подтверждают своей приверженности этой цели.

Хотя похоже, что в этой приближающейся общемировой политической культуре определяющую роль будет играть вышеупомянутый взрывообразный выплеск участия, нет уверенности в том, каким будет режим этого участия. Страны, недавно ставшие независимыми, видят перед собой две разные модели современного участнического¹ государства — демократическую и тоталитарную. Демократическое государство предлагает обычному человеку возможность принимать участие в процессе принятия политических решений в качестве влиятельного и влияющего гражданина; тоталитарное отводит ему роль «участвующего подданного»². Оба эти режима притягательны для недавно освободившихся государств, и какой из них в конечном итоге победит — если, понятное дело, не появится некий реальный сплав того и другого — предсказать невозможно.

Если эти новые, недавно ставшие независимыми страны намерены развить у себя демократическую модель участнического государства, то им потребуется нечто большее, чем

¹ Некоторые отечественные авторы предпочитают в этом контексте термин «партиципационный». — *Прим. перев.*

² См. Frederick C. Barghoorn, «Soviet Political Culture», a paper prepared for the Summer Institute on Political Culture, sponsored by the Committee on Comparative Politics «Social Science Research Council Summer 1962».

формальные институты демократии — всеобщее избирательное право, политические партии и избираемая законодательная власть. Все перечисленные институты фактически являются также компонентами тоталитарной модели участия — если не в функциональном, то хотя бы в формальном смысле. Демократическая форма политической системы, рассчитанной на участие, требует наряду со всем названным еще и совместимой с ним политической культуры. Но перенос политической культуры западных демократических государств в развивающиеся страны наталкивается на серьезные трудности. На то есть две главные причины. Первая из них связана с самой природой демократической культуры. Великие идеи демократии: свобода и достоинство личности, принцип правления с согласия управляемых — возвышенны и вдохновенны. Они захватывают воображение многих лидеров самых разных государств — и новых, и тех более старых, которые модернизируются. Но рабочие принципы демократической политики¹ и ее гражданской культуры — способы принятия решений политическими элитами, их нормы и установки, равно как нормы и установки обыч-

¹ В этой книге английский термин *polity* переводится именно так — вслед за выполненным Л. А. Галкиной под ред. А. М. Салмина добротным — хотя порой и достаточно вольным — переводом основных фрагментов первой главы данного труда Алмонда и Вербы (см. журнал «Полития», 2010, № 2, р. 122–144 и 2010, № 3–4, р. 207–221). В предисловии к этому тексту говорится, что он является переводом первой и второй глав, хотя на самом деле напечатан лишь перевод основной части первой главы (без двух обширных последних разделов), причем не в ее окончательной редакции 1989 г. (кстати говоря, вполне возможно, что в той редакции оригинала, с которой работала Л. А. Галкина, текст, переведенный в журнале «Полития», составлял именно две главы). Указанный перевод, а также сокращенный — и, заметим, гораздо более слабый, а порой и просто не очень профессиональный — перевод фрагментов последней главы настоящего труда (авторы упомянутого предисловия называют ее 15-й, хотя на самом деле это гл. XIII), который опубликован в журнале «Полис» (1992, № 4, р. 122–134) под названием «Гражданская культура и стабильность демократии», так или иначе привлекались к работе над данным полным переводом — и я рад с благодарностью отметить это обстоятельство, равно как и с удовольствием констатировать довольно частые совпадения — порой едва ли не дословные — наших переводческих решений, особенно в первой из глав. — *Прим. перев.*

ного гражданина, а также его отношение к властным структурам¹ и к своим согражданам — представляют собой более тонкие компоненты культуры. Им присущи более расплывчатые диффузные свойства мировоззренческих систем или кодексов межличностных отношений, которые, по утверждениям антропологов, распространяются лишь с большими трудностями, претерпевая в ходе этого процесса существенные изменения.

Фактически западная социология в настоящее время только приступила к кодификации операциональных характеристик самой демократической политики. Возраст доктрины и практики рациональной бюрократии как инструмента демократической политической власти еще не достиг даже ста лет. Сомнения относительно возможности нейтральной бюрократии были высказаны в Англии довольно давно, еще в 1930-е годы, да и на европейском континенте такого рода сомнения сегодня широко распространены. Сложная инфраструктура демократической политики: политические партии, группы интересов и средства массовых коммуникаций, а также понимание внутренних механизмов их функционирования, операциональных норм и социально-психологических предпосылок стали осознаваться на Западе только сейчас. Посему имидж демократической политики, который передается элитам новых, недавно освободившихся стран, оказывается смутным и неполным, причем в нем очень сильно выпячиваются идеология и правовые нормы. А ведь главное, что надлежит усвоить по поводу демокра-

¹ В оригинале здесь (и в очень многих других местах) использован термин *government*, который в этой монографии чаще всего означает вовсе не «правительство», как его обычно понимают и переводят (в том числе и в упомянутых выше фрагментарных переводах), а «властные структуры», «органы власти» (центральные и/или местные) либо, реже, «система правления» или «форма правления». Особенно неверен перевод термина *government* как «правительство» применительно к США. Там это понятие относится как ко всем трем ветвям власти: законодательной, исполнительной и судебной, так и фактически ко всем уровням государственного управления: национальному (федеральному), штатному, муниципальному, а также к уровню округа [*county*] и участка («*тауншип*»), школьного округа и других специальных, порой совсем небольших и/или экзотических округов. — *Прим. перев.*

тии, — это проблематика установок и чувств, а таким вещам гораздо труднее учиться.

Вторая основополагающая причина, по которой распространение демократии в новых странах сталкивается с трудностями, — это объективные проблемы, стоящие перед указанными странами. Они вступают на арену истории с архаичными технологиями и социальными системами; при этом их влечет к себе блеск и мощь технологической и научной революций. Нетрудно понять, почему их должен манить технократический имидж политики — такой политики, где доминирует авторитарная бюрократия, а политическая организация становится инструментом личностной и социальной инженерии, служащим для манипулирования людьми.

Однако почти в каждом случае — хотя и в разной степени — лидеры модернизирующихся стран хорошо осознают те деформации и риски, которые сопутствуют принятию авторитарной формы политики. Хотя они и не в состоянии полностью понять тонкую сбалансированность демократической политики и все нюансы гражданской культуры, они склонны признавать их легитимность как выражение устремленности по направлению к созданию гуманной политики. Характеризуя ситуацию этих лидеров, мы оставили в стороне один существенный элемент. Ибо хотя и верно, что руководители новых стран зачарованы наукой и техникой, что их тянет к жаждущей перемен и новизны технократической политике как средству приобщения к новым благам и возможностям современного мира, они вместе с тем остаются продуктами своих традиционных культур и предпочли бы осторожно, мягко работать именно с этими культурами, если бы такой выбор был им доступен.

Гражданская культура

Гражданская культура рекомендует себя как ответ на указанную двойственность. Ибо гражданская культура — это не просто современная культура, а такая культура, в которой современность сочетается с традицией. И пример того, каким образом может развиваться подобная культура, предлагает нам Великобритания. Становление гражданской культуры

в этой стране может истолковываться как результат целой серии столкновений между модернизацией и традиционализмом — столкновений, достаточно острых для того, чтобы привести в итоге к значительным переменам, но вместе с тем не настолько острых или не настолько сконцентрированных во времени, чтобы породить дезинтеграцию или поляризацию. Великобритания — частично по причине безопасности своего островного расположения — вступила в эру национальной консолидации и абсолютизма, будучи способной куда терпимее относиться к большей развитости аристократической, местной и корпоративной автономии, чем могла себе позволить континентальная Европа. В этой стране первым шагом на пути к секуляризации стало отделение от Римско-католической церкви и начальные проявления толерантного отношения к религиозному многообразию. Вторым шагом явилось возникновение процветающего и уверенного в себе торгово-купеческого сословия, а также активное вовлечение двора и аристократии в разного рода риски и расчеты, связанные с торговлей и широко понимаемой коммерцией.

Независимые аристократы, обладающие прочной и надежной местной властью в сельской глубинке, бесстрашные нонконформисты, богатые и уверенные в себе торговцы — вот те силы, которые трансформировали традицию феодальных поместий в парламентскую традицию и позволили Британии пройти через эру абсолютизма, не разрушив своего плюрализма. В итоге, когда Великобритания вступила в эпоху промышленной революции, ее элиты обладали такой политической культурой, которая давала возможность без резких разрывов преемственности адаптироваться к происходившим в XVIII—XIX вв. масштабным и быстрым изменениям социальной структуры. Аристократы-виги сочли возможным войти в коалицию с нонконформистски настроенными торговцами и промышленниками, чтобы установить, а затем и надежно утвердить принципы парламентского верховенства и представительства. Традиционные аристократические и монархические силы усвоили эту гражданскую культуру в степени, достаточной для того, чтобы конкурировать за общенародную поддержку с секуляристскими тенден-

циями, а на самом деле даже умерить рационализм последних и привить им любовь и уважение к святости страны и ее древних институтов.

То, что возникло в итоге, стало третьей культурой — и не традиционной, и не современной, а вобравшей в себя их обе. Это была плюралистическая культура, основанная на коммуникации и убеждении, культура консенсуса и разнообразия, культура, которая допускала изменения, но умеряла их. Это и была гражданская культура. С такой гражданской культурой, уже консолидированной, трудящиеся классы могли войти в политическую жизнь, а затем в процессе проб и ошибок находить язык, позволявший им излагать свои требования, и находить средства, позволявшие достичь их реализации. Именно в этой культуре разнообразия и консенсуальности, рационализма и традиционализма могла развиваться структура британской демократии: парламентаризм и представительство, агрегированные политические партии и ответственная, нейтральная бюрократия, группы интересов, которые готовы к сотрудничеству и торгу, а также автономные и нейтральные средства массовой коммуникации. Английский парламентаризм включал в себя традиционные и современные силы; партийная система агрегировала и комбинировала их; бюрократия стала ответственной перед новыми политическими силами; наконец, политические партии, группы интересов и нейтральные средства массовой коммуникации непрерывно сцеплялись с существовавшими в обществе распыленными группировками по интересам и с его первичными коммуникационными сетями.

Мы сконцентрировались на британском опыте, потому что британская история представляет собой цельное и полное повествование о возникновении гражданской культуры, тогда как в Соединенных Штатах и странах «Старого Содружества»¹ события начали развиваться уже после того, как не-

¹ Примерно после Второй мировой войны Великобританию и ее существовавшие к этому времени «белые» доминионы (Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.) стали неофициально называть Старым Содружеством, особенно после того, как начались разногласия между некоторыми этими странами и менее богатыми новыми членами Британского Содружества из Африки и Азии. — *Прим. перев.*

которые из важных битв были выиграны. Фактически в ходе XIX в. развитие демократической культуры и инфраструктуры шло в Соединенных Штатах быстрее, четче и недвусмысленнее, нежели в Великобритании, поскольку Соединенные Штаты были новым и быстро прогрессирующим обществом, которому практически не препятствовали никакие традиционные институты. Хотя базовые модели гражданской культуры в Великобритании и Соединенных Штатах похожи, ее конкретное содержание в этих странах несколько различается, отражая различия в их национальных историях и социальных структурах.

На европейском континенте ситуация менее однородна. Хотя существующие там модели во многих отношениях отличаются от наблюдающихся в Великобритании и Америке, все же Скандинавские страны, страны Бенилюкса¹ и Швейцария, как представляется, выработали собственную версию политической культуры, а также практику ее приспособления и достижения компромиссов. Во Франции, Германии и Италии конфликты между модернизационными тенденциями и традиционными властными силами выглядят слишком глубокими и слишком трудно поддающимися компромиссам, чтобы там могла возникнуть приемлемая и разделяемая всеми культура политического примирения. Гражданская культура присутствует здесь в форме устремлений, а до достижения истинной демократической инфраструктуры все еще далеко.

Таким образом, гражданская культура и открытая политика представляют собой великие и вместе с тем проблематичные дары Запада. В наше время технология и наука Запада уже перестали быть его исключительным достоянием, ныне они повсюду разрушают и трансформируют традиционные общества и культуры. Сможет ли открытая политика и гражданская культура — этот изобретенный человеком гуманный и консервативный способ справляться с социальными изменениями и широким участием — тоже распространиться столь же повсеместно?

¹ Бенилюкс — сокращенное название таможенно-экономического союза трех европейских стран: Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. — *Прим. перев.*

Когда мы рассматриваем происхождение открытой политики и гражданской культуры — или даже ограничиваемся лишь рассмотрением тех территорий западного мира, где их возникновение все еще вызывает сомнения, — мы можем пасть жертвой одного из двух нижеследующих настроений или даже обоих сразу. Первое из них — это ощущение благоговейного трепета перед таинством процесса, посредством которого человечество на одной, совсем маленькой части земного шара двинулось в направлении гуманного и разумного обуздания насилия, нащупывая пути его трансформирования в конструктивный инструмент, который доступен всем заинтересованным. В качестве таинства это явление становится уникальным культурным наследием, недоступным для чужаков. Второе настроение — это чувство пессимизма, которое, похоже, пришло на смену настроению демократического оптимизма, существовавшему перед Первой мировой войной. Каким образом можно пересадить некий набор договоренностей и установок, столь хрупких, столь замысловатых и столь тонких, куда-то за пределы их исторического и культурного контекста? Или по-другому: как могут все эти рафинированные нюансы и эти гуманные правила этикета выживать даже среди нас самих в мире, который, будучи зажатым в тиски современной науки и техники, совсем одичал и вырвался из-под контроля, став разрушительным и для традиции, и для общества, и, возможно, для самой жизни?

Никто не в состоянии дать однозначные и категорические ответы на эти вопросы. Но мы, как ученые-социологи, можем поставить указанные вопросы таким образом, чтобы получить полезные ответы. Хотя мы можем разделять ощущение изумления и трепетного благоговения перед изощренной замысловатостью демократических механизмов и уникальностью того исторического опыта, откуда они возникли, мы стоим перед лицом такого современного исторического вызова, на который это ощущение, взятое само по себе, не является адекватной ответной реакцией. Если мы намерены ближе подойти к пониманию проблем распространения демократической культуры, то должны быть в состоянии четко указать содержание того, *что именно* надлежит распространять, выработать для него подходящие измери-

тели и выявить его количественную встречаемость, а также демографическое распределение в странах с широким диапазоном опыта в области демократии. Лишь вооружившись таким знанием, мы можем разумно рассуждать о том, «сколько чего» должно наличествовать в стране, прежде чем демократические институты смогут укорениться в ней, опираясь на гармонизированные с ними установки и ожидания.

Усилия по решению этой проблемы обычно базировались на впечатлениях и умозаключениях, вынесенных из истории, на соображениях, логически выведенных из демократической идеологии, на определенных видах социологического анализа или же на плодах психологических озарений. Поэтому в наших усилиях по оценке перспектив демократии в таких странах, как Германия и Италия, либо в развивающихся регионах незападного мира мы часто пытаемся извлекать «уроки» из британской и американской истории. Утверждалось, например, что в эффективную демократизацию совокупно внесли свой вклад как длительная непрерывность британского и американского политического опыта, так и постепенность процесса происходивших там перемен. Аналогично жизненно важным для развития стабильных демократических институтов в Великобритании, Старом Содружестве и Соединенных Штатах считался рост энергичного и многочисленного среднего класса, а также развитие протестантства, и в особенности его разнообразных неконформистских сект. Предпринимались также попытки вывести из этого многостороннего опыта некие стандарты и типовые правила, определяющие, какие установки и какое поведение должны иметь место в других странах, если те намерены становиться демократическими.

Еще более привычным делом, нежели построение умозаключений на базе истории, была присущая нам тенденция выводить критерии того, что подлежит распространению, из институциональных и идеологических норм самой демократии. При этом утверждалось, что если демократическая система основывается на разделении влияния среди всего взрослого населения в целом, то, дабы избежать краха этой системы, индивид должен разумно использовать свои силы и возможности во благо политики. Теоретики демократии,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru